



6+

Андрей Анатольевич Рябов

Полудёнка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650786

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть жанра фэнтези, основанная на мифологии северных народов, сибирской истории и топонимике. Действие происходит в наше время поздней осенью в западносибирской тайге.

Для подготовки обложки издания использован рисунок Тимофея Беспалова

ПОЛУДЁНКА

Предисловие

...Почему так тревожно становится на душе ветреной промозглой осенней ночью? Откуда эти мурашки по спине и неподвижный взгляд из сиреневого сумрака?

Холодный ветер – это не только шорох шагов крадущегося под покровом ночи хищника, не только неслышимая поступь вражьего племени. Холодный ветер – это застигнувшее врасплох прошлое, пытающееся достучаться до нашей души.

В такую ночь истончается и без того тонкая грань между мирами, и из ледяной пустоты долетают до нас отзвуки минувшего, шёпот давно умерших, вопли никогда не рождённых.

Слушать надо в такую ночь, и – слышать. Лучше всего поглаживая одной рукой холодную сталь, а другой – поднимая стопку за упокой давно ушедших.

Блажен, кто не спит!..

Глава первая

Не стоило этого делать.

Вообще-то Софронов всегда и везде полагался на интуицию. Втихомолку даже гордился своей «чуйкой», которая действительно нередко остерегала от глупых поступков и дурных знакомств. А вот теперь поди ж ты – промолчала, за-

раза. Ничего не ворохнулось в душе, когда ясным осенним днём Софронов вышел к этой топкой болотистой низине, где так сильно пахло гниющей водой и прелыми листьями.

Привели его сюда два близких между собой чувства – алчность и любопытство. Впрочем, алчность в данном случае была в большей степени эфемерной, фантазийной и притянутой за уши, а поэтому винить в дальнейшем следовало именно любопытство – вообще-то не самое отвратительное качество. Если, конечно, оно не вызывает за собой лавину самых разнообразных событий, которым трудно дать какую-то определенную оценку. Являются ли они печальными или смешными, трагическими или позитивными – каждый человек может к ним приклеить свой собственный эмоциональный ярлычок. А заодно и ценник...

Когда-то пытливые люди обнаружили неподалеку от города так называемое Байбалаковское местонахождение. В сущности, это был всего-навсего лишь неглубокий, но топкий ручей, по берегам которого стали находить немыслимое количество останков различных первобытных животных – носорогов, пещерных медведей и даже мамонтов. За несколько последующих десятилетий многочисленные ученые толком так и не смогли выяснить, почему же весь этот доисторический зверинец собирался помирать именно сюда, на столь небольшой участок тайги.

В поисках истины каждое лето приезжали археологи, до самых заморозков лопатили болотистую почву, и время от

времени извлекали из нее темные замысловатые кости. К началу сентября ученые мужи и девы вместе со всем найденным добром разъезжались по своим музеям-институтам, и на ручье наконец-то воцарялись покой и умиротворение. До следующего полевого сезона.

Софронову тоже давно хотелось найти бивень мамонта, а лучше сразу два. Он часто представлял, как один из них за кругленькую сумму загонит богатому коллекционеру (при этом плохо представляя себе расположение одного в пространстве), а второй водрузит дома на сервант – и тогда все знакомые лопнут от зависти. Долго смаковал и лелеял мечты подобного рода, а однажды-таки решился – бросил в багажник верной старенькой «Нивы» лопату, бродни, термос с бутербродами и сел за руль. «Что терять пролетариату, кроме своих цепей?» – легкомысленно улыбнулся и плавно выжал педаль сцепления.

Сотня километров, отделявших город от заветной цели, пролетела быстро. Он заглушил машину на обочине трассы, аккуратно сложил в пустой мешок все необходимое, закинул его за спину и двинулся вглубь тайги хорошо утоптанной тропинкой. Вскоре она вывела путника к лагерю, покинутому археологами до следующего полевого сезона.

Софронов настороженно оглядел ухоженное хозяйство, прислушался сначала к окружающему миру, потом – к своей «чуйке». Тайга безучастно шумела вокруг, а сволочная чуйка – предательски молчала. Однако, пора было приниматься

за работу.

Полноводный в начале лета, сейчас ручей почти пересох, лишь кое-где по дну овражка блестели зеркальца воды. Когда Софронов приблизился к одному из них, то лужа буквально вскипела под ударами хвостов мелких щурогаек, не успевших скатиться в реку вслед за большой водой и теперь мечущихся от страха. «Надо будет наловить ведерко перед отъездом, – мимоходом сделал в памяти мысленную зарубочку. – Все одно пойдут на корм халеям да воронам». Разогнул голенища бродней, на глазок выбрал более-менее подходящее – в его представлении – место для раскопок и с размаху воткнул лезвие лопаты в неподатливую, уплотнившуюся за тысячелетия почву.

Копал долго и старательно. Впрочем, положила руку на сердце, скорее не копал, а ковырял тяжелую глину, с трудом разрывая лопатой вековую плоть земли и бесстыдно выворачивая ее наизнанку. Время от времени под штыком что-то хрупало, и тогда Софронов падал на колени и с колотящимся сердцем принимался орудовать острием ножа. Ему казалось, что вот-вот из-под очередного комка грязи должен появиться не то целый мамонт, не то золотые пиастры капитана Флинта. Но призрачный таежный фарт лишь посмеивался над «старателем», каждый раз подсовывая ему под лопату одни только старые ветки деревьев.

Часа через два Софронов окончательно умаялся и в сердцах отшвырнул лопату. Пропадите вы пропадом, все мамон-

ты вместе с пиастрами, ну вас к лешему! Он вскарабкался на край оврага и уселся под громадным, высотой в рост человека, пнем, жалким напоминанием о величественном кедре, когда-то давно сломленном бурей. Налил себе чаю из термоса, достал бутерброды. В душе плескалась злость, прежде всего на самого себя. Самокритично терзался: чего вообще спрашивается, притащился сюда, за тридевять земель? Киселя хлебать? Целый день потерял впустую! Нет, чтобы взять ружьишко, поманить по опушкам рябчиков, или поискать по профилям грибов – так нет ведь, решил палеонтологом заделаться! Тьфу!

Как назло, именно в этот момент где-то совсем рядом задорно запел-засвистел лесной петушок. Вот ведь зараза, нашел время душу травить! Софронов в полный голос послал его по матушке и от обиды долбанул каблуком по краю обрыва. Изрядный пласт земли, подмытый осенними дождями, сначала треснул, а потом мягко и беззвучно рухнул вниз, обнажив на изломе плотную кучку источенных временем шероховатых предметов...

Несомненно, это были древние кости какого-то животного. И столь же несомненно, что к мамонту это животное не имело ни малейшего отношения – слишком уж маленькими и несерьезными выглядели его останки, по виду они должны были принадлежать существу размером с теленка.

Скривившись от брезгливости, Софронов легко выдернул из земли «вязанку» костей, сросшихся за века и больше все-

го напоминавших причудливые корни какого-то заморского дерева. В голове тяжело ворочались колючие мысли: «Ну и чо, получил, что хотел? Пользуйся! Можешь этот суповой набор барыге продать, можешь в сервант положить и перед гостями хвастаться. Вот, мол, останки мастодонта! Самолично завалил зверюгу в жестоком поединке!»

Невеселые размышления новоявленного Шлимана прервал хруст ветки, разломившейся под чьим-то весом совсем неподалеку. «А если сейчас меня заметут с этими костяшками?! Они же по закону принадлежат государству! Блин, куда же их деть от греха подальше?!» Несколько секунд Софронов бестолково метался с ними по краю обрыва: «В кусты сунуть? Увидят! В лужу кинуть? А если всплывут?»

Повинуясь какому-то непонятному наитию, он вдруг стал запихивать свою злосчастную находку в пустую сердцевину полусгнившего кедрового пня, под которым обедал. Кости застряли, и тогда он с усилием пропихнул их внутрь лопатой. Где-то уже на периферии восприятия остался чей-то короткий вскрик: «Нет! Не надо!» А потом в лицо ударила чернота...

– ...Очнись, придурок лагерный! На том свете отоспишься! Если, конечно, тебе еще очень сильно повезет...

Грубый голос, несомненно, принадлежал пожилому мужчине. Чтобы убедиться в этом, Софронову пришлось с усилием разлепить глаза. Оказывается, он лежал навзничь на знакомом берегу ручья. Пейзаж вокруг практически не из-

менился – по-прежнему пригревало теплое солнышко, неподалеку все так же насвистывал рябчик, по щеке деловито карабкался шустрый муравьишко. Правда, рядом сидел на корточках совершенно седой, но довольно крепкий старик в стоптанных кирзачах и добела выгоревшей армейской плащ-палатке, под которой виднелась такая же выцветшая энцефалитка. Узловатой морщинистой рукой он привычно сжимал выдавший виды карабин СКС, дымил «Примой» и с явным отвращением разглядывал Софронова. Потом поинтересовался:

– Ну, вот скажи мне, какого рожна ты вообще сюда приперся? Чо, не сиделось спокойно в родном офисе, приключений захотелось на свою задницу? Тады поздравляю – ты их нашел! Правду говорят, что ни один враг столько вреда не принесет, сколько один-единственный придурок...

Легкий звон в ушах наконец прошел, Софронов завозился, нашел в себе силы сесть и даже попытался оскорбиться:

– Послушайте, уважаемый, почему вы меня все время называете придурком? Чего я вам плохого сделал? На мозоль в трамвае наступил?

Старик возмутился:

– Ума палата, да и то дырвата! Кому сделал – мне?! Да ты себе на задницу столько добра спроворил, что не унесешь! Хотя верно заметил – какой из тебя полудурок, ты же круглый дурак! Объясню, почему я тя в звании повысил: наверно, у придурка еще хватило бы ума случайно потревожить

шаманскую могилу, но только полный кретин додумался бы соединять кости Ушедшего с пеплом Черного Знающего.

От возмущения дед смачно сплюнул, отвернулся и замолчал, вперив свои слегка раскосые глаза куда-то в пространство. «Местный, это несомненно, – отстраненно размышлял Софронов. – И скорее манси, чем ханты. Интересно, а кто такой ушедший? Археолог, что ли, из прошлой экспедиции? Но откуда здесь тогда взялись его кости?»

Наконец, пришелец соизволил заговорить:

– Вообще удивительно, что ты до сих пор еще жив. Крепкий, небось?

Получив утвердительный ответ, старик продолжил:

– Ясно. Счастливому и на воде сметана. Ожегся Знающий о твой крест, да и ослаб он все-таки за минувшие века, вот и вышла у него промашка. Ну, дай только срок, он свое возьмет, ты не переживай! Тихий воз всегда на горе будет!

При этом нахальный абориген еще и одобрительно хлопнул Софронова по плечу. Последний, чувствуя в словах незнакомца какой-то скрытый подвох и где-то даже издевку, решил немножко уточнить свое положение. Спросил осторожно:

– И что же он возьмет?

Старик усмехнулся:

– Да все! Сначала душу твою высосет, а потом и тело оприходует. У него это быстро.

А потом сразу посерьезнел и даже перестал называть Со-

фронова «придурком»:

– Учти, тяжело теперь придется – везет тебе, как утопленнику. Разбудил ты Знающего, да не какого-нибудь, а настоящего Черного. И с Ушедшим лопухнулся – это Папа за тебя от любого врага мокрое место бы оставил, а мудрая Мамка помогла бы советом. Так нет же, ты выбрал глупого мамонтенка, к тому же еще... – в этот момент старик глубоко принюхался, – умершего от патологического состояния с научным названием «диарея»...

Софронов готов был поклясться, что при этом у явно спятившего дедушки весело блестели глазки...

Глава вторая

В полной темноте «Нива» старательно молотила колесами по изгибам лесного проселка. Вообще-то Софронов любил надавить на педаль газа на такой вот достаточно ровной и пустой дороге, ощущая себя при этом по меньшей мере Шумахером. Теоретически может же у Шумахера оказаться старенькая «Нива» цвета «баклажан»? Правда, на этот раз машина еле ползла, потому что резво скакали мысли ее водителя.

Как рассказал ему так и не представившийся старик с СК-Сом, ситуация для Софронова складывалась поганенькая. Если, конечно, допустить, что дед не сбежал из ближайшего дурдома – на что Софронов, если честно, в глубине души крепко надеялся. Так вот, по его словам выходило, что

тутошные древние аборигены, предки современных ханты и манси, своих шаманов хоронили иначе, чем остальных соплеменников. Тело колдуна при соблюдении приличествующих покойному обрядов сжигали, кости складывали в сердцевину особого зачарованного дерева, а вход навеки запечатывали. Считалось, что отныне их ни в коем случае нельзя тревожить, а виновного в том ждала скорая и неминуемая смерть, так как на страже шаманских останков дежурили злые духи.

Но, оказывается, любого охранного духа может с легкостью прогнать одно-единственное существо – мамонт, занимавший в пантеоне угорских небожителей место сурового, но доброго божества. «Видать, когда я стал запихивать останки этого местного «демиурга» в шаманский «мавзолей», то дух-«секьюрити» от ужаса застрелился из табельного «макарки», – поневоле хехекнул Софронов. – Чисто экзорцист, блин...»

И резко ударил по тормозам. «Помяни черта...» – эта фраза безостановочно крутилась в мозгу, пока Софронов тупо тарасился сквозь грязное лобовое стекло. Если он не сошел с ума, то как раз сейчас в свете фар посреди дороги стояло это самое божество, то бишь доисторический мамонт, вроде бы вымерший много-много тысяч лет назад. Только очень маленький и жалкий мамонтишко, с клочковатой свалявшейся бурой шерстью, который в данный момент приветливо махал ему своим хоботом и тарасил влажный блестя-

щий глаз, снабженный неожиданно густыми и красиво изогнутыми ресницами.

– Чо сидим, кого ждем? – голос божества оказался мелодичным и звонким. – Выходи уже, подлый трус.

Проявив таким образом определенное знание советской мультипликационной классики, мамонтенок просеменил ножками к ближайшему дереву и принялся энергично шоркать свой мохнатый зад о шершавый ствол.

– Чешется – просто ужас, – доверительно сообщило божество Софронову. – Представляешь, одиннадцать с половиной тыщ лет назад налопалась каких-то папоротников, а до сих пор несет...

На негнущихся ногах Софронов вылез наружу. Ему нестерпимо хотелось проснуться. Завтра утром надо сдавать квартальный отчет, рубль падает, в Ливане боевики захватили французских инженеров, весь мир замер в ожидании выпуска нового айфона, а тут – оживший шаман и обгадившийся мамонтенок. Вернее, мамонтиха... Нет, все-таки надо сходить к Самохину, он хороший психиатр, он обязательно поможет.

Вообще-то Софронов в свои тридцать с небольшим лет отличался несокрушимым здоровьем, как физическим, так и психическим. «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла» – эта строчка из романтического пионерского детства давно стала его девизом по жизни. Жена ушла к другому? Баба с возу – кобыле легче, никто теперь не будет нудить из-

за ночных посиделок с друзьями. «Тойоту» разбил в ДТП? Ничего, «Нива» куда экономичнее и в тайге гораздо практичней. Споткнулся, упал и порвал штаны? Подумаешь! Зато теперь буду знать, что здесь за углом – ямка, да и новые джинсы куда удобнее прежних.

Вот и приятельство с Самохиным, доблестным ударником психиатрического труда, началось с неприятностей. Они заочно познакомились на городском интернет-форуме, где Софронов подвизался в качестве активного пользователя, а Самохин втихушку собирал материал для кандидатской диссертации. Поначалу они вдрызг разругались из-за разницы взглядов на творчество футуристов и даже отправились бить друг дружке морды. Но будучи в глубине души людьми неизменно интеллигентными (в чем никогда не признавались окружающим) вместо кровопролития напились до положения риз и впоследствии стали добрыми приятелями. Настолько добрыми, что Софронов называл товарища не иначе как «братом», а Самохин однажды устроил ему экстремальную экскурсию по областному психиатрическому диспансеру – с посещением палат самых буйных пациентов...

Тем временем оживший реликт деловито – и абсолютно беззвучно – подошел вплотную, своим хоботком принялся деловито исследовать сначала интерьер салона, а потом экстерьер Софронова. Нельзя сказать, что последнего обрадовала данная процедура. Этот процесс сопровождался несколькими унижительными для человечества комментариями:

– Надо же, как изменились вы, двуногие. Нежные стали, мягкие, голые. Ваши предки на земле спали, шкурами накрывались, падаль жрали. А вам фуагру подавай и матрасы двусторонние «зима-лето». От вида вшей в обморок падаете, а твой пра-пра-в какой-то степени-дедушка трескал их с величайшим удовольствием, совсем как ты – трюфели.

– Я трюфели никогда не ел, – разлепил наконец пересохшие губы Софронов.

– Да ну? Много потерял, скажу я тебе. Трюфели, конечно, обладают специфическим ароматом, но одновременно и очень тонким терпким вкусом, сравнимым с... – она помедлила. – Впрочем, зря мы сейчас завели разговор о еде... Так, садись в машину, я скоро. И не подглядывать! Глаз вырву!

Мамонтенок заторопился в кусты, а Софронов откинул голову на спинку сиденья и вытер лоб. Все-таки действительность, к сожалению, не являлась дурным сном. Слишком уж много ощущал он посторонних раздражающих факторов, не характерных для сна. Софронов чувствовал резкий «специфический аромат», порой доносившийся из кустов, саднила где-то расцарапанная рука, бурчал оголодавший желудок.

А вот каких-то новых, непривычных для своего организма проявлений он не ощущал. «Непорядок, – подумал с сожалением. – Во всех фантастических книжках главный герой внезапно приобретает сверхчеловеческие способности, ему дают Кольцо всевластия, какое-нибудь супероружие или на худой конец – палочку-выручалочку. А мне почему-то никто

и ничего не собирается давать...»

Наверное, последние слова он произнес вслух, потому что на них тут же откликнулась новая знакомая:

– Надо же, размечтался! Выручалочку ему захотелось! – на фоне начинающего светлеть неба появился силуэт мамонтенка. – Ты лучше подумай, что через три часа будешь своему начальнику мямлить, когда он с тебя отчет станет требовать! А самое главное – как попытаешься спастись от Знающего, когда он придет за твоим скальпом!

Софронову явно стало дурно:

– А зачем ему мой скальп?

Мамонтенок взглянул на него с явным сожалением.

– И чему только вас в институтах учат... Если с убитого врага не снять скальп, то он лишается души и превращается в вечного раба своего убийцы. Поэтому раньше всегда скальпировали смельчаков, тем самым отдавая дань их мужеству, и оставляли нетронутыми головы трусов. Ты же не хочешь и в Нижнем мире ближайшую тысячу лет служить Черному? Так что перед смертью не забудь попросить его оказать тебе эту честь. Или, может, ты из атеистов и тебе безразлична судьба собственной души?

То ли со временем фантазмагоричность ситуации стала казаться Софронову более обыденной, то ли всему виной был безучастный шум древнего бора и первые проблески утренней зари, но Софронов уже без прежнего леденящего ужаса воспринимал слова новой знакомой. Он даже попы-

тался поиронизировать:

– А ничего, что я уже неделю голову не мыл? Не побрежует твой Черный таким скальпом?

Знакомая тему охотно поддержала:

– Лишь бы в нем блох не было! Ты себе даже не представляешь, какая это гадость!

Похоже, ей понравилась реакция собеседника, и она ободряюще похлопала его хоботком по щеке. Софронов передернулся.

Меж тем нахальная мамонтиха продолжила свои не в меру назойливые нравоучения:

– Ты главное раньше смерти-то не помирай! Глядишь, и прорвемся. Если повезет, конечно. Все-таки наш Знающий – зверь злобный и сильный.

– Зверь?! А разве он не человек?

– Между прочим, чтобы стать шаманом, надо сосчитать хвою на семидесяти семи елях, ртом натаскать воды и наполнить ею овраг, а потом сплясать на натянутом оленьем сухожилии. Как думаешь, человеку такое под силу?

Софронов глубокомысленно заметил:

– Ты знаешь, я раньше об этом как-то не задумывался. Теоретически иголки посчитать можно, а вот чтобы овраг водой наполнить, для этого надо пасть иметь побольше, чем у взрослого мамонта...

И в тот же миг Софронов получил хоботом чувствительный подзатыльник.

– Если будешь обзывать, то я тебе на ногу наступлю, – сообщила подруга и тут же посерьезнела.

– А теперь слушай внимательно. Опасность со стороны Знающего исходит настоящая и смертельная, но ее можно попытаться отвести. Если хочешь спастись, то собери снаряжение для недельного перехода по тайге и приезжай сюда, на это самое место. Только я тебя умоляю, давай без соплей – работа там, отчет, некормленные домашние рыбки.

Она помолчала и тихо добавила:

– Надеюсь, ты уже понял, что все это – никакие не шутки? Езжай, готовься, а вечером встретимся здесь же.

Когда Софронов уже завел машину и собрался тронуться в путь, мамонтиха опустила голову и смущенно попросила:

– И это... Привези, пожалуйста, пару килограммов сушеной черемухи...

Глава третья

Реальность всех происходящих событий больше не вызывала сомнений в душе Софронова. Он и прежде никогда не отличался склонностью к долгим сопливым рассуждениям вообще и философским – в частности. Да и когда ему было философствовать? За плечами имелось солнечное и беззаботное поселковое детство, суровое студенческое отрочество в городе у тетки – главбуха промкомбината, достаточно спокойная – «через день на ремень» – служба на погранза-ставе, потом постылая должность юриста в одном из управ-

лений районного масштаба и пятилетнее супружество, не оставившее после себя ни детей, ни особого сожаления.

Если бы рядом сейчас оказался Самохин, он наверняка смог бы тут же препарировать все подсознательные причины, позволившие – или заставившие? – Софронову поверить рассказам старика и мамонтихи, и очертя голову кинуться куда-то и зачем-то. Скорее всего, психиатр выдел бы две основные причины такого легкомыслия: опостылевшее многолетнее существование в качестве офисного планктона и слишком большое количество приключенческих книг, прочитанных в детстве...

Во всяком случае, вернувшись в город, Софронов «рубил хвосты» легко и безжалостно. Первым делом заехал в аптеку и под недоуменные улыбочки фармацевтов скупил всю имеющуюся там сушеную черемуху. Потом явился на работу, куда только-только начали подтягиваться сотрудники. Написал заявление на двухнедельный отпуск без содержания, приложил к нему недоделанный отчет (а будь что будет!), оставил все это в приемной, и побыстрее сдернул из офиса. Улыбнулся мстительно: «Представляю, как начнет истерить наш толстопуз, когда увидит мою заяву!».

Начальника управления господина Льва Вальцмана ненавидел весь дружный коллектив и втихомолку над ним потешался. В полном составе бросали работу и бежали к окнам, чтобы понаблюдать за тем, как их маленький, упитанный и лысый босс карабкается в салон своего служебного «ленд-

крузера». Мстительный, недалекий и злобный, получивший свой пост только благодаря папе-олигарху местного разлива, он к тому же отличался редкостным интеллектом.

Весь район бурно обсуждал случай, когда в бухгалтерию управления однажды позвонил один из глав поселковых администраций и долго благодарил за внезапно свалившуюся на поселок крупную субсидию, о которой они даже не просили. А потом глава поинтересовался:

– А деньги-то лучше перечислять или наличными привозить? Как «какие деньги»? Так ведь Лев Васильевич предупредил, что десять процентов от субсидии надо вернуть ему...

Дома Софронов отнес соседям аквариум с рыбками, обильно полил цветы, позвонил маме и предупредил, что уходит в отпуск. А так как уже несколько лет все свои отпуска он проводил в тайге, то мама известию несколько не удивилась, лишь привычно попросила быть осторожнее. Заодно поделилась новостью:

– Представляешь, сынуля, вчера у меня с котом такой конфликт произошел – до сих пор стыдно. Началось с того, что он раздурился и порвал когтями новые обои на кухне, хотя прежде такого за ним отродясь не водилось. Ну, я его отругала и – не ударила даже! – а так, легонько шлепнула по задку. И, оказывается, тем самым с грохотом опрокинула все его шаткое мироздание...

Кот был просто потрясен моим вероломством, ведь я его

прежде в жизни пальцем не тронула! Ты бы видел: вскочил, очертя голову бросился бежать, да этой же самой головой треснулся о стену и выбежал из комнаты. Я стала его искать и обнаружила за шторой: сидит, смотрит на меня – и плачет! Никогда в жизни предположить не могла, что коты на такое способны, а тут вижу, как у него слезы из глаз катятся. Представляешь?! Он плачет, я тоже реву и прошу у него прощения...

Только ночью он меня простил и под утро забрался на кровать. Лежу я, глажу его и думаю: пропади они пропадом, эти обои, если живому существу из-за них так страдать приходится!..

Посмеявшись и пообещав надевать только сухие носки, Софронов попрощался с мамой, свалился на диван и мгновенно заснул.

Обратно к реальности его с большим трудом вернул хриплый треск старенького будильника, который вопреки сложившемуся мнению о недолговечности китайских товаров исправно трудился вот уже больше двадцати лет. От бесчисленных ночных падений он давно потерял одну из ножек, корпус потрескался и покрылся паутиной царапин, но, тем не менее, заслуженный китаеза продолжал усердно отстукивать мгновения хозяйской жизни.

Следовало поторапливаться. В потрепанный объемистый рюкзак аккуратно легли банки тушенки и «бичпакеты» с лапшой, теплый свитер, бинокль и куча других крайне важных

в лесу предметов. Из абсолютно бесполезного захватил с собой брелок-флешку в металлическом корпусе, на которую записал несколько выпусков «Битвы экстрасенсов» – вдруг выпадет свободная минутка и удастся посмотреть на проигрывателе в машине.

Открыв оружейный сейф, Софронов на несколько секунд задумался – какой ствол лучше взять на этот раз? Вообще-то в надежде на свежий приварок к котлу следовало отдать предпочтение безотказной «вертикалке», но ведь по словам новых знакомых впереди вроде бы маячила встреча с неведомым и лютым ворогом. А потому он все-таки решил отдать предпочтение «Егерю» – карабину ОЦ-25.

Этот почти раритет, являвшийся конверсионной переделкой «калаша», несмотря на приличный возраст, до сих пор оставался «невинным». Прежний хозяин, старый таежник, купил его на заре перестройки, но поохотиться с ним не успел в силу обострения своих многочисленных болячек.

Андрианыч был фигурой колоритнейшей и весьма непосредственной. Однажды он очень эмоционально рассказывал Софронову о том, что вернулся с поминок родственника, который умер в тридцать лет:

– Чо деется! Поди, экология щас виновата – как исполнится мужику тридцать лет, так он помирает! Знашь, сколь знакомых аккурат в тридцать-то померло – у-у-у! Тебе, кстати, сколь?

Внутренне усмехаясь, Софронов ответил:

– Ты не поверишь, Андрианыч, мне через неделю как раз тридцать исполняется...

С минуту старик не мог вымолвить ни слова, потом смачно сплюнул:

– Тьфу-тьфу, не дай Бог!

Однажды старик показал приятелю свой внушительный арсенал, и Софронова буквально заворожила строгость линий и особая аура «Егеря». А потому после недолгих переговоров с Андрианычем он и сторговал этот ствол за вполне божескую цену. «Вот и проверим его в деле» – решил Софронов, бережно укладывая в рюкзак одну за другой пачки патронов.

Его сборы прервал мелодичный сигнал мобильного – пришла СМСка. Опять спам – какая-то пиццерия извещала о расширении своего ассортимента. Чертыхнувшись и удалив сообщение, Софронов вспомнил одного из своих приятелей, обладателя гигантской комплекции, который умудрился превратить борьбу с назойливым спамом в нешуточное развлечение.

Как только к нему приходило очередное сообщение о «новом поступлении джинсов, все размеры!», он тут же отправлялся в указанный магазин и начинал требовать, чтобы ему продали джинсы. Робкие попытки продавцов объяснить, что такую одежду шьют только по спецзаказу, пресекались убойным аргументом – демонстрацией телефонной рекламы. Мол, раз вы написали «все размеры», значит, предь-

явите товар на меня, а не то я щас вызову весь отдел по защите прав потребителей и прокурора с уполномоченным по правам человека впридачу!

В последний раз СМСку приятелю отправил, на свою беду, салон женского нижнего белья... Приятель тут же явился в это царство боди, панталон и стрингов, и с порога потребовал себе «трусы 72-го размера». Пока девушки-продавщицы медленно сползали по стеночке и хватали ртами воздух, он прочитал им лекцию о вреде рекламы и с торжеством удалился. Кстати, после таких визитов повторные СМСки ему никогда не приходили...

Вновь пришлось взять в руки мобильник – кто-то звонил. Надпись на мерцающем экранчике услужливо оповестила, что на контакт пытается выйти старый приятель – Колька Сайнахов, мутный и хитроглазый тип. Когда-то на заре туманной юности они жили в одном доме и даже дружили, а потом их пути разошлись, когда мать увезла Кольку в маленький приобский поселок. Повзрослев, Сайнахов время от времени появлялся в городе вместе с явно браконьерскими муксунами или партией «левой» лосятины, которые сбывал через верных людей. Судя по некоторым данным, он пользовался непререкаемым авторитетом среди своих сородичей, но при посторонних всегда держался в тени.

– Привет, Софрон! Как жизнь?

– Пока жив, почти здоров, бодр и весел, суставы ноют, сердечко пошаливает, в кишечнике что-то булькает – коро-

че, все как всегда. Но в последнее время стал замечать, что еще, похоже, и маразм... Привет, Колян. Надо чего? Извини, я тороплюсь.

– Ты ведь давно просил взять тебя на медвежью охоту. Так вот – приглашаю. Я тут прикормил на падали одного косолапого из крупных, он на Архиерейском уже который день пасется. Так что собирайся, завтра утром выедем, послезавтра зверя возьмем, через день – обратно. Ага?

Еще накануне от такого предложения у Софронова захватило бы дух и он сломя голову кинулся бы на охоту. А сегодня... Сегодня его ждало куда более увлекательное приключение.

– Извини, Колян, не могу. Срочные дела образовались. Давай как-нибудь в следующий раз!

В трубке помолчали.

– Дела, говоришь... Софрон, мой тебе совет – не ездь сегодня туда. Просто поверь старому товарищу – и не ездь, если тебе дорога собственная шкура.

Софронов очень удивился и даже слегка растерялся:

– Колян, да ты никак меня поугагать вздумал?

Казалось, друг детства даже обрадовался такому предположению:

– Именно, братка, именно! Мы же с тобой на один горшок какать ходили, поэтому не буду танцевать вокруг да около. Я тебя и вправду пугаю. И мои пугалки верные, как скажу, так оно и будет. Расклад такой: если ты сегодня в тайгу поедешь,

то обратно не вернешься. И у тебя даже могилы не будет. Согласись, поганая перспектива для православного человека. И умирать ты будешь мучительно и долго. Ты же знаешь, у меня к тебе претензий нет, поэтому я не просто стращаю, я точно рисую твоё скорое будущее.

И страх действительно стал понемногу заползать в душу Софронова. Сайнахов прежде слов на ветер не бросал и чужой крови никогда не боялся. Однажды в детстве Колька наловил в ближайшем пруду целое ведро лягушек, всех по очереди перецеловал, а потом прикончил, с размаху шмякая о бетонную стену. Объяснил свои действия просто: они оказались не царевнами...

– Слушай, но почему? Кому я чего сделал плохого?

Сайнахов помолчал несколько секунд, а потом искренне расхохотался:

– Ой, не могу, держите меня семеро! Прикол в том, что ты действительно никому ничего плохого не делал, а одно только хорошее!

Потом он посерьёзней:

– Понимаешь, кое-кто опасается, что ты по глупости можешь натворить неприятностей, а потому никто из-за тебя рисковать не собирается. Слушай сюда: Он на тебя не в обиде, более того, Он тебе благодарен. Поэтому сиди дома и не рыпайся. Тебя завтра же отблагодарят: хочешь – большими бабками, хочешь – муксунами, хочешь – вечной удачей на охоте. Только сегодня никуда не ездите, не надо. Ну, мы дого-

ворились?

По всем канонам жанра положительный благородный герой должен был с негодованием отвергнуть дурно пахнущее предложение. Но Софронов ни капельки не ощущал себя благородным, и даже к категории положительных относил постольку-поскольку. А потому на предложение ответил полным согласием:

– А не обманешь?

Колька облегченно выдохнул:

– Когда я кого кидал? Часиков в восемь вечера будь дома, тебе подвезут полмешка свежей стерлядки да ведро черной икры, так сказать, в качестве жеста доброй воли. Ну все, а завтра с утра рванем за топтыгиным. Шкура – твоя, мясо – пополам. Все будет о-кей! Веришь?

«Верю всякому зверю, а тебе, ежу, погожу... Ну, и зачем? Ради чего я все это делаю? Скоро вон стерлядь привезут, икорочку. Мать угощу. Завтра на охоту двинем...» – рассуждал Софронов, вырливая со двора на улицу...

Глава четвертая

Что двигало им, Софронов и сам толком не смог бы объяснить. Прислушиваясь к собственным чувствам, ощущал жгучее любопытство, какую-то абсолютно нерациональную, глупую удаль и браваду. Наверное, скромный юрисконсульт в глубине души всегда мечтал о том, чтоб – на вражью пику, да под одобрительный рев толпы, да под ласковым взгля-

дом прекрасной дамы... Впрочем, он был достаточно самокритичен, чтобы тут же себя уконтропупить: врага пока не видно, толпы зевак – тоже, зато прекрасная волосатая дама – вот она, получите и распишитесь.

Мамонтиха ждала его на том же самом месте у приметного поворота дороги. Едва «Нива» остановилась на обочине, она своим хоботком ловко открыла пассажирскую дверь и скомандовала:

– Живо выкидывай второе кресло и освобождай багажник.

– Это еще зачем? – удивился Софронов.

– А что я, по-твоему, пешком должна за тобой бежать? Вприпрыжку? Давай-давай, не задерживай! – и сама потащила из салона «запаску».

Делать нечего, пришлось подчиняться. Скрепя сердце, Софронов снял и спрятал в кустах кресло, переложил весь груз на одну сторону багажника – за своей спиной – и стал с любопытством смотреть, как его новая подружка неуклюже карабкается внутрь «Нивы». Наконец, ей это удалось, правда, при этом автомобиль заметно накренился. «Хана ходовой» – грустно констатировал Софронов, садясь за руль.

Через несколько километров первой нарушила молчание лохматая пассажирка:

– Ротару.

Софронов недоуменно уставился на нее.

– В смысле? Где?

Мамонтиха невозмутимо пояснила:

– Это я представилась. Меня так зовут. Конечно, на самом деле имя звучит несколько иначе, но тебе его все равно не выговорить. Наиболее близкое к человеческому языку сочетание звуков звучит как «Ротару». Ты, кстати, черемуху захватил?

Получив требуемое, Ротару тут же аппетитно захрустела сушеными ягодками, а Софронов задумался над тем, что сказала бы настоящая Софья Михайловна, если бы узнала о существовании такой вот однофамилицы с хоботом...

Вспомнилась забавная история пятилетней давности. Тогда еще женатый Софронов поехал в далекий Саратов продавать квартиру, доставшуюся ему по наследству от дядьки. Наслушавшись криминальных историй о «черных риелторах», боялся жутко, пугался каждого шороха, но, тем не менее, операцию по продаже недвижимости провел быстро и четко. Получив от покупателя тоненькую пачку столларовых купюр, Софронов грамотно ушел от потенциальной слежки, менял маршрут передвижения и внешность, принимал все мыслимые меры предосторожности и к исходу вторых суток путешествия прибыл в родной город. И тут же побежал в ближайшую сберкасса избавляться от наличных.

Наконец, Софронов явился домой и самодовольно хлопнул на стол перед женой новенькую сберкнижку – смотри, мол, какой у тебя умный и талантливый муж, обдурил всю российскую мафию и сохранил семейный капитал! Жена по-

ощерительно погладила его по голове, чмокнула в щечку, развернула сберкнижку – и тут же влепила супругу оглушительную пощечину.

Оказывается, оператор банка ошиблась и все столь тщательно оберегаемые софროновские капиталы зачислила на счет его именитого земляка и однофамильца, олимпийского чемпиона Эдуарда Софронова...

Между тем пассажирка доела свое лекарство и плотоядно облизнулась. Язык у нее, кстати, оказался странного синего цвета. Она удобно положила свою башку на вытянутые вперед ноги и заговорила.

– А теперь краткий курс по борьбе с ожившими шаманами. Ты знаешь, что аборигены Северной Азии значительно опередили всех этих ацтеков, тибетцев и прочих египтян в изучении магии? Их шаманы гораздо раньше нашли способ взаимовыгодного сотрудничества с обитателями Верхнего и Нижнего миров. Много веков сами племена чукчей, ханты, эвенков, алеутов, якутов находились на довольно низкой ступени развития, зато их Знающие далеко опередили жрецов Кетцалькоатля, Ра и Будды.

Честно говоря, я уверена, что объединившись, они легко могли бы подчинить себе всю Землю. Только, к счастью, не берет их мир. Тысячи лет воюют меж собой Темные и Светлые Знающие, причем, воюют в самом прямом смысле. Сидит, скажем, черный шаман где-нибудь у себя в чуме на Рангетуре, а потом вдруг вскочит, швырнет топор в очаг, а че-

рез секунду этот топор уже торчит из груди белого шамана, что камлал на Стариковом мысе в Согоме за двести верст от него.

Не вытерпев, Софронов перебил соседку по салону:

– Знаешь, мне как-то с трудом во все это верится. Шаманы, топоры, ацтеки... Ты все это точно всерьез?

– И это спрашивает человек, который в своей машине болтает с живым мамонтом... – похоже, что Ротару получала от происходящего большое удовольствие...

– Вообще-то Великого шамана очень нелегко убить. Для этого надо совершить кучу долгих ритуалов, дожидаться удачного расположения звезд, испросить помощи у высших сил. И еще не факт, что удастся ухайдакать шамана, тем более, если он уже не в первый раз меняет свою физическую оболочку.

Софронов почему-то не слишком горел желанием вступить в эпическую битву со столь могучими адептами зла, и свои сомнения выразил вслух:

– Так может, и фиг с ним, с шаманом? Пусть себе бегают по лесу, вреда много не натворит.

Ротару сменила позу, отчего «Нива» рыскнула по дороге.

– Натворит, Софрон, еще как натворит. Мануйла был великим Черным, пролившим реки крови. И если ему дать время собраться с силами, то прольет еще больше.

Он призадумался, вспоминая местную топонимику, потом спросил:

– Слушай, а ведь тут неподалеку есть Мануйловская протока. Это чо, в его честь?

– Ага. Туда и направляемся. Там, в верховьях, была его вотчина, там он и будет собирать своих воинов.

Резко затормозив, Софронов остановил машину:

– Так он еще и не один будет? Знаешь, я отчего-то не горю желанием вступать в бой с каким-то там шаманским спецназом. Давай я лучше позвоню в полицию, у меня там есть хорошие знакомые. Обрисую ситуацию, они туда на «вертушке» отправят отряд СОБРа и все дела.

Ротару жалостливо приложила теплый кончик хобота ко лбу собеседника:

– Перегрелся, болезный? Интересно, а как это ты полицейским «обрисуешь ситуацию»? Мол, так и так, по словам одного говорящего мамонтенка где-то в лесу сидит оживший шаман, который хочет собрать отряд убийц из доисторических покойников? Да ты никак захотел в сумасшедший дом?

В груди Софронова начал закипать гнев, и он заговорил повышенным тоном:

– Знаешь, деточка, я отчего-то не чувствую себя ни Арагорном, ни даже Гарри Поттером, чтобы с волшебным мечом бегать по тайге за всякой нечистью. Почему я вообще должен из-за тебя куда-то там ехать? Еще не хватало рисковать жизнью ради дохлого мамонта! Может, лучше тебя сдать ученым, пусть изучают как научный феномен, а?

Ротару повернула голову к водителю, отчего их лица по-

что соприкоснулись, и тихо произнесла:

– Сдать? Это ты здорово придумал. Сдай, еще и премию хорошую получишь. Вам, людям, не привыкать нас использовать. Видел в музее картину Васнецова «Охота на мамонта»? Так вот, все, что на ней изображено – правда, от первого и до последнего штришка. Вы, люди, убивали моих сородичей – подлю, исподтишка, а потом пожирали наши трупы. Нас, тех, кто изначально оберегал и учил людей!

Софронов был всерьез ошарашен и растерян. Не будучи вроде бы никоим образом замешан в этих доисторических разборках, тем не менее, он испытывал чувство самого настоящего стыда. Отвел глаза и негромко поинтересовался:

– Ну что, может, двинем дальше, пока темно? А то, не дай Бог, выедут на трассу бдительные гаишники и нас остановят. Я думаю, они очень сильно удивятся, если заглянут в салон для проверки документов...

Собеседница хрюкнула:

– А представь себе, какое зрелище их ждет, если они начнут осмотр с багажника...

И под дружный хохот «Нива» двинулась дальше.

Глава пятая

«Накаркали. Но откуда здесь, в глуши, могли взяться «желтопузики»? Какая лихоманка занесла их сюда, на проселок? И самое главное – что делать?» – лихорадочно сообщал Софронов, увидев впереди за поворотом фигуру в ми-

лицейской форме, требовательно махнувшую жезлом.

– Не дрейфь, Софрон, прорвемся, – жизнерадостно сообщила мамонтиха. – Тормози здесь, ближе не подъезжай.

Он остановил машину в десятке метров перед «комитетом по встрече», в состав которого входили худосочный лейтенант-гаишник, два упитанных гражданина в новеньком камуфляже с карабинами за спиной, и молоденький оператор с видеокамерой в опущенной руке. Ну, точно! Как он сразу не сообразил – это же охотинспекция организовала рейд по браконьерам!

Софронов бодро выскочил из машины и быстро пошел навстречу правоохранительным и контролирующим органам, загодя разворачивая бумажник с документами и при этом заискивающе улыбаясь.

– Летенат Фосин, – представился страж закона, потом деликатно отвернулся, густо высморкался и продолжил процедуру знакомства. – Плетъявите токومتы!

Быстро просмотрев бумаги, лейтенант с загадочной фамилией поднял на в чем-то подозреваемого слезящиеся покрасневшие глаза и устало поинтересовался:

– Кута слетуете?

Несмотря на нешуточную опасность, Софронов все-таки не мог сдержать улыбки. Бедолаге в таком состоянии следовало бы лежать под теплым одеялом с горчичниками и кружкой чая, а не мотаться по лесам.

– По грибы еду, на Кресты. Сослуживец рассказал, что

там их – пропасть.

– Отин?

Софронов замаялся – он в принципе не любил врать, хотя по должности приходилось это делать постоянно.

– С собакой. Да, собачка у меня там. Ротару зовут.

– Кута? – не понял правоохранитель.

– Чего, простите?

– Кута софут Хотаху? На консехт?

– Какой еще концерт?

– Истефаетесь? Откхойте пакашник, – с видимым усилием произнес болезный лейтенантик. – Пошалуста.

Софронов мысленно махнул рукой. Будь что будет. Вместе с инспектором он обошел машину, с усилием поднял дверцу багажника и обреченно посмотрел на остальных «рейдовиков». Бдительные дяди в камуфляже сняли с плеч карабины и ненавязчиво повернули стволы в сторону «Нивы», а оператор взял наизготовку свою камеру. Сдерживая азарт загонщиков, они ждали лишь отмашки сопливого лейтенанта. Но она почему-то запаздывала.

Тем временем гаишник тупо пялился на мохнатый зад объемистой доисторической «собачки», преспокойно развалившейся в салоне и кокетливо помахивающей ему хвостиком. Потом он резко развернулся, сунул документы Софронову, отдал честь и на негнущихся ногах зашагал к товарищам. На ходу бросил:

– Гражданин, можете следовать дальше.

Потом успокоил упитанных:

– Все в порядке, я проверил. Гражданин направляется в лес за грибами. В салоне также находится собака, порода колли, кличка Ротару, возраст – два года, бурой масти, среднего роста. Цвет глаз карий. Прикус нормальный. Особых примет нет. Все отметки о прививках наличествуют.

На этом лейтенант замолчал и уставился в пространство.

Камуфлированные дяди переглянулись, один из них вполголоса заметил другому:

– Наверное, все-таки придется сниматься и ехать в город. Похоже, лейтенанту надо срочно обратиться к врачу.

Второй согласно кивнул и добавил:

– Боюсь, что не только к терапевту...

Когда поворот дороги скрыл членов «комитета», Софронов повернулся к боевой подруге:

– Ты чего с ним сделала?! Загипнотизировала?!

– Было бы там что гипнотизировать... Успокойся, это всего лишь маленький сеанс, абсолютно безопасный, тем более для прочной и стрессоустойчивой психики гаишника. Кстати, в качестве бонуса я бедолагу еще и от простуды излечила. Причем, с запасом, лет этак на десять...

...Машину пришлось оставить на Крестах – так таежники издавна называли приметное место, где почти под прямым углом друг к другу пересекались четыре небольшие речушки. «Ниву» загнали в кусты, закидали ветками от чужого глаза и дальше отправились пешком по довольно утоптанной

тропе, которой активно пользовались и охотники, и рыбаки, и ягодники. Ротару бойко семенила ножками впереди, чутко принохиваясь к окружающему, сзади под тяжестью двух рюкзаков и карабина пыхтел Софронов.

Тропа шла почти идеальной прямой по кочковатому лугу. В колхозно-совхозные времена все доступное человеку пространство объ-иртышского междуречья активно использовалось, через каждые несколько километров поймы можно было натолкнуться то на становище покосников, то на летнюю ферму, то на силосную яму. Повсеместно над сорами раздавался гул тракторов, песни селян и ржание неприхотливых и лохматых лошадей-«приобчанок».

А потом в Москве откуда-то появились меченые да косноязычные демократы, принялись разрушать страну и за несколько лет попросту вычеркнули деревню из жизни. Вот буквально только что она была – и вдруг сгинула, вместе с пестрыми коровенками, голосистыми петухами, смешливыми доярками и разухабистыми механизаторами. Ровно Мамай или полчища саранчи прошли по глубинке. В одночасье сожрали они, сгубили фермы, клубы, сельпо и «молоканки», оставив вместо них зарастающие травой пустыри и повсеместно ржавеющие на месте бывших полей скелеты тракторов да комбайнов.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Софронов полюбопытствовал:

– Ты хоть введи меня в курс дела, что мы будем делать, ко-

гда доберемся до места? Кстати, может, наконец сообщишь, куда мы идем?

Ротару чуть сбавила размеренный шаг, приноравливаясь к скорости попутчика.

– Идем мы в Полуденку. Знакомое место?

Софронов удивленно покрутил головой.

– Надо же... Полуденная гора... Мне баба Шура, Царствие ей Небесное, рассказывала, что как раз в тех местах когда-то была наша семейная вотчина. Там мои предки ягоды-грибы брали, лосей-глухарей добывали. Правда, мне в тех местах ни разу не довелось побывать. Сначала маленьким был – не брали, а когда подрос, то дед Калина обезножил, совсем перестал в тайгу ходить. Так вот и не увидел я «родового поместья». А еще, говорят, как раз где-то в тех местах клад спрятан. Слушай, боевая подруга, уже темнеет. Может, здесь переночуем? Костер разведем, а потом я тебе про клад расскажу.

Солнце действительно уже цеплялось боками за верхушки кустов, готовясь вот-вот уйти на боковую. Софронов принялся таскать сушняк, в чем ему активно помогала Ротару. Она ловко подхватывала своим гуттаперчевым хоботком здоровенные ветки и волокла их в общую кучу. Вскоре на маленькой полянке в обрамлении густых тальников уже потрескивал огонь. Софронов уселся на охапку сухой травы, Ротару улеглась рядышком и привалилась к нему мягким мохнатым боком. Подождав, пока он сжует горбушку хлеба

с банкой тушенки, потребовала продолжения рассказа. Софронов не заставил себя упрашивать.

– Село наше до революции считалось очень богатым. Ясен пень, ведь стояло оно на главной сибирской «дороге» – Иртыше. Ни один проезжающий мимо купец, будь то хивинский, бухарский или вологодский, не миновал здешних кабаков и лавок, каждый пароход здесь пополнял запас дров, а на весельное судно нанимали гребцов. Кстати, удивительный факт: в этом качестве многие путешественники предпочитали брать баб, которые обходились намного дешевле, а гребли нисколько не хуже мужиков. А еще хороший доход приносил местным жителям рыбный промысел, осетров да муксунов ловили сотнями пудов, по зимнему пути санными обозами отправляли сначала в Тобольск, а затем уже в Москву да Питер. Потому зажиточных людей в селе было немало.

Подкинув в огонь большую жердину, Софронов продолжил свой рассказ:

– Первое время после революции жизнь в селе оставалась по-прежнему спокойной и размеренной, жители надеялись, что революционная зараза минует их стороной и все как-нибудь само собой рассосется. Но в конце двадцатых годов, когда началась коллективизация и людей стали массово арестовывать за их «прошлое», то некоторые из наших односельчан решили попытаться спасти свое добро. В одну из светлых июньских ночей они погрузили на большие лодки-неводники наиболее ценную утварь, иконы из разоренного храма,

часть имевшегося по дворам оружия, серебро, а у кого было, то и золотишко. По общему уговору выбрали нескольких самых уважаемых односельчан, которые и должны были спрятать добро в дальних урманах.

– И что, никто не донес властям? – было видно, что мамонтиха не на шутку заинтересовалась этой историей. Молодежь, блин...

– Донесли, конечно. Только конкретное расположение захоронки знали лишь два старых деда-казака, которые поклялись скорее погибнуть, но не выдавать «общественной» тайны комиссарам. Конечно, после возвращения их тут же арестовали, увезли в область, и больше о дедах не было ни слуху, ни духу. Сгинули. Остальных, кто был на тех неводниках, первое время потаскали в ГПУ, стращали, а потом отступились. Мужики-то сразу признались, что все вместе поднялись на лодках по Мануйловской протоке до верховьев и выгрузили добро где-то в районе Полуденки, а уж дальше его увозили и прятали те два деда-казака. Конечно, комиссары долго еще искали клад, да только где ж его найдешь, там дремучая тайга на сотню километров тянется...

– Хорошая история, – доисторическая слушательница смешно потянулась. – Ладно, давай отдыхать. Следующую ночь спать придется уже вполуха.

Тут Софронова осенило:

– Слушай, а чего это ты развалилась? Я думал, мамонты спят как слоны – стоя...

– Можно, конечно, и стоя. Но согласись – лежа ведь все-таки удобнее.

Софронов не нашелся, что ответить на столь логичное умозаключение, а потому накрылся с головой теплой курткой и закрыл глаза. Сон навалился мгновенно.

Глава шестая

Утро выдалось тихим и росным, вязкий туман лежал на пойме, а где-то выше него поднималось солнце. Поеживаясь от холода, Софронов привычным движением вскинул груз на плечи, повесил на шею «Егеря» и спутники двинулись вперед. Вскоре тропа спустилась в болотистую низину, за кустами заблестело зеркало курьи.

Пока они находились еще достаточно далеко от цели, можно было позволить себе озаботиться добычей приварка к столу. А потому Софронов взял карабин наизготовку, передернул затвор и стал крадучись приближаться к старнице. Сзади бесшумным войлочным мячиком катился по траве мамонтенок.

Через несколько минут сквозь пелену тумана он наконец разглядел темные пятна на поверхности воды. Софронов ловко скинул резиновые заглушки, передвинул защелку предохранителя вниз и припал глазом к оптике. Через прицел были хорошо видны зеленые головы крякашей, деловито кормившихся на мелководе. После хлесткого выстрела один из них безвольно вытянулся на поверхности, а осталь-

ные суматошно захлопали крыльями и тут же сгнули в тумане. Уняв учащенное сердцебиение, Софронов разогнул голенища бродней, зашел в воду и подобрал добычу. «Хорош крыжень, – отметил про себя. – Была бы гладкостволка, еще пару мог бы взять».

Кстати, этой осенью охота открылась непростительно рано. Если раньше сроки устанавливали региональные власти в соответствии с рекомендациями специалистов и конкретными местными условиями, то с некоторых пор все стала решать Москва. Видимо, с Краснопресненской набережной лучше видно, какие погодные условия выдались в том или ином регионе и выросли ли там утята. Нынче вот лето выдалось холодным и утята не выросли, но 20 августа в угодьях захлопали выстрелы – в строгом соответствии с буквой закона. А ведь часть уток еще не встала на крыло, в траве сидело множество птенцов, на крыльях которых вместо полноценных перьев торчали лишь жалкие зачатки...

– Это что же делается-то, люди добрые? – горестно качал головой Андрианыч. – На реке повстречал компанию горе-охотников, которые целую кучу хлопунцов прикончили! Я их пристыдить пытался – зачем, мол, воробьев настреляли? А они мне в ответ – ничо, в шулом сгодятся...

Охота всегда считалась благородной страстью, которой страдали такие разные люди, как Аксаков и Брежнев, Толстой и Ленин, Хемингуэй и Николай Второй. Одних она возвышает – и подчеркивает звериную сущность других. Со-

Фронов знал множество мужиков, которые давно и безнадежно больны охотой. Они ежегодно тратят многие тысячи рублей на покупку снаряжения, продуктов, горючего. В угодах они мерзнут, мокнут, устают – и приезжают домой абсолютно счастливыми, привозя пару-тройку уток. Больше им и не надо – зачем? Для них охота – это прежде всего удовольствие от единения с природой, общения с друзьями, притока адреналина. А мясо лучше покупать в магазине...

Какое-то время спутники шли молча, сбивая росу с ближайших кустов и перешагивая колодины. Ротару часто поднимала кверху свой хоботок, принюхивалась к окружающему, мотала головенкой.

– Тебе что-то не нравится? – нарушил молчание Софронов.

– Не то чтобы совсем, но как-то чего-то не очень...

Софронов рассмеялся:

– Сама-то поняла, чего сказала?

Его подружка, похоже, слегка надулась:

– Извини, университетов не кончала. Зато и не проваливалась пьяной в выгребную яму на школьном выпускном как некоторые, не будем показывать пальцем.

От неожиданности Софронов аж остановился.

– Ты откуда это знаешь? Никто ведь... Так ты что, умеешь в чужих мозгах копать?!

Собеседница уже весело фыркнула:

– Больно надо – копать. Там ведь попросту и нет ничего

особенно интересного, одни только первобытные инстинкты, точно такие же, как у твоего пещерного предка-неандертальца. Правда, у того хоть не возникало навязчивого желания близко познакомиться с прелестями Анджелины Джоли...

Екарный бабай! Во попал! Софронов покраснел, опустил голову и ускорил шаг. Сзади донеслось жизнерадостное пыхтение.

– Да не обижайся ты, чудак-человек! Ну да, я и вправду могу читать какие-то яркие страницы в человеческой памяти и чувствовать сущность собеседника. Между прочим, потому и решила тебе помочь. В твоей душе, конечно, грязь есть, а вот Тьмы – нету.

Чтобы сменить тему разговора, Софронов поинтересовался:

– Слушай, а тот старик, которого я встретил на Байбалаке, он кто?

– Дед Ульян-то? Тоже Знающий, только Светлый. И очень сильный.

– Так чего он сам не может этого Темного завалить?

Ротару ответила как-то нехотя:

– Не все так просто, Софрон. В магии есть множество определенных правил и условий... Хотя скорее уж законов, на которых строятся все взаимоотношения шаманов. До определенного момента Светлый не может нарушить некоторые табу, потому что иначе в мире воцарится хаос...

И замолчала. Софронов некоторое время еще выжидал, наконец, глубокомысленно заметил:

– Ну вот, ты подробненько и внятно объяснила. Спасибо, теперь мне все понятно.

Какое-то время шли молча, потом Софронов вытащил из кармана «сникерс», развернул его, разломил и не глядя протянул половинку себе за спину. Через секунду по ладошке мазнуло теплым и мягким.

– Спасибо...

На душе почему-то потеплело. Так бывает, когда ты, издерганный и злой, едешь с работы в плотном потоке других автомашин – среди сотен таких же ненавидящих весь белый свет водителей, которые психуют, сигналият, посылают друг другу ругательства и неприличные жесты. Но иногда вдруг случается маленькое «обыкновенное чудо». Например, ни с того ни с сего серый «крузак», летящий «по главной», притормаживает и приветливо подмигивает тебе фарами: давай, мол, братан, выезжай со своей второстепенной, мне не жалко! Ты пристраиваешься впереди его, изо всех сил семафора «аварийкой»: спасибо, неизвестный друг! И едешь дальше, потихоньку лелея в груди маленький комочек тепла, от мягкости которого уже успел отвыкнуть. И вдруг сам перегораживаешь дорогу, пропуская очередной автомобиль, робко пытающийся выбраться со двора на улицу. И теперь уже перед тобой рассыпается в суматошных огнях благодарности человек, которому ты передал эту «эстафету добра»...

...В воздухе стояла грибная прель, горьковатый запах грибов смешивался с ароматом вянущей листвы. Была короткая, но оттого самая желанная пора для каждого русского человека – бабье лето. Чаще всего так получается, что проходит оно совершенно незаметно, и лишь когда промозглый ветер и нудные дожди воцаряются до самого Покрова, ты понимаешь, что, оказывается, все-таки было оно, бабье. А ты и не заметил...

Издалека сначала чуть слышно донеслись, а потом стали шириться и наплывать гулкие серебряные звоны. Софронov даже не сразу сообразил, что это всего лишь трубят лебеди. Путники остановились и задрали головы, любуясь тремя тяжелыми белоснежными птицами, величественно проплывающими совсем рядом над головой.

Уже далеко не в первый раз Софронovu предоставлялась возможность легко взять эту добычу, и при этом его совесть была бы чиста. Он прекрасно знал, какой вред наносят «летающие волки» всему остальному пернатому миру, видел, насколько расплодился они в последнее время по всему Северу, был знаком по крайней мере с десятком охотников, которые вопреки суевериям ежегодно добывали лебедей и при этом не обрушивали на себя никаких проклятий. А вот стрелять в них почему-то не мог...

– И не надо. – Похоже, Софронov стал привыкать к тому, что подружка беспардонно шарится в его сознании, а потому даже и не подумал возмутиться. – Лебедь, конечно, ника-

кой не волшебный посланник между Землей и Небесами, как считают некоторые суеверы, а просто-напросто достаточно глупая и злобная птица. И проклятий за ее убийство никто на тебя не налагать не будет, не надейся. Просто это всего лишь воплощенная живая красота, вот у тебя рука на красоте и не поднимается. Пошли уже дальше, ценитель прекрасного...

Время перевалило за полдень. Тропа сначала вывела их из сора в редкий и светлый березняк, а когда вместо белоствольных красавиц вокруг обступили ели и кедры, признаки цивилизации как-то сразу вдруг кончились. Только что перед глазами частили отметины резиновых сапог, то и дело на мху встречались окурки и фантики, а потом все следы человеческого пребывания внезапно исчезли.

И сразу же место головного дозора решительно заняла Ротару. Она абсолютно беззвучно передвигалась по лесу на своих коротких и толстеньких ножках, ловко обходила коряги и перешагивала упавшие ветви. Иногда мимоходом срывала гроздья темно-бордовой брусники или крупные ягоды шиповника и отправляла их в пасть. Огромные перезревшие подосиновики и белые, во множестве попадающиеся на опушках, она полностью игнорировала, зато когда у приметного родника встретилось семейство поздних мухоморов, Ротару повыдергивала их изо мха и тут же слопала, аж причавкивая от удовольствия.

Софронов не выдержал:

– А не боишься отравиться?

Ротару презрительно отмахнулась хоботком:

– Это для тебя смертельно, а у меня совсем другой метаболизм. Организм расщепляет яд, выводит вредные токсины, зато все полезное и вкусное оставляет. Между прочим, и некоторые копытные, и человеческие шаманы тоже с успехом пользуются этими грибочками.

Покачав головой, Софронов вполголоса пробормотал:

– Ну да, одни только олени и могут жрать эту гадость...

Ротару прикинулась непонимающей:

– Что говоришь-то?

– Нет, ничего, это я вслух размышляю...

В мгновение ока Ротару подхватила с земли увесистую кедровую шишку и, не оборачиваясь, точнехонько запустила ее прямо в лоб Софронову:

– Это тебе за «оленья». Не забывай, человек, что кроме ушей у меня есть и другие органы чувств.

Потирая ушибленное место, Софронов ответил мысленно и витиевато. Ротару откликнулась тут же:

– Я, конечно, слабо разбираюсь в идиоматических людских выражениях, но могу догадываться, о чем идет речь. И не стыдно тебе такое думать при ребенке?

Самое удивительное, что Софронову действительно было стыдно...

Глава седьмая

Начинало смеркаться, когда Ротару внезапно остановилась на спуске с увала и принялась пристально всматриваться в глубину небольшой еловой рощи, что стояла прямо по курсу. Потом начала столь же внимательно прислушиваться, наклоня голову то вправо, то влево, шевеля при этом своими смешными мохнатыми ушками. Словно решившись, вполголоса произнесла:

– Все равно надо бы убедиться...

И обратилась к спутнику:

– Хочешь посмотреть, как сиртя хоронили своих мертвецов? А заодно и на то, с чем тебе, скорее всего, придется иметь дело...

– Погоди-погоди... Сиртя? Я о них вроде бы читал. Это какой-то легендарный подземный народ, с которым якобы когда-то в незапамятные времена воевали ханты и манси?

– Именно. Его называли и по-другому, кто – «савыры», кто – «чудь белоглазая». Только никакая это не легенда, к сожалению, этот подлый и мстительный народишко действительно существовал. И очень надеюсь, что наконец-то вымер... Иди за мной, только тихо и будь начеку!

Надо же – сиртя... Легендарное и баснословное племя, по некоторым данным совсем еще недавно обитавшее на севере Сибири, в частности, на Ямале. Ненцы, сами народ воинственный и бесстрашный, побаивались сиртя, считая их слишком могущественными и сильными, причем не только физически, но и магически. Их образ жизни значительно от-

личался от ненецкого. Они не признавали домашних оленей, носили отличную от ненцев красивую одежду с золотыми и серебряными украшениями, которые сами же умели изготавливать. Ненцы по секрету рассказывали, что на самом деле сиртя не вымерли, а век назад переселились в сопки, и теперь на поверхность тундры выходят только по ночам или в сильный туман, так как от яркого дневного света у них «лопаются глаза».

Между тем путешественники спустились в глубокий и темный, поросший редким можжевельником, овраг и оказались перед настоящей еловой стеной, ошетилившейся колючими хвойными лапами. Казалось, здесь кто-то специально плотными рядами насадил деревья, чтобы закрыть путь прохожему. Несколько долгих минут они с трудом продирались сквозь мириады острых иголок, пока вдруг не оказались на маленькой полянке, посреди которой рос могучий кедр, поросший лишайником. Учитывая то, что кедровые рекордсмены живут до восьмисот лет, этому было никак не меньше полутысячи. И выглядел он весьма странно – до середины ствола у него не было ни одной ветки.

– Ну да, – вполголоса подтвердила Ротару. – Сиртя вешали тело на большое дерево, у которого затем срубали нижние ветки, чтобы покойник не мог спуститься. Вон, смотри!

Повинуясь ее жесту, Софронов снял с плеча карабин и через оптику посмотрел на верхушку. Там действительно виднелся какой-то большой сверток, увитый полосами бересты.

Ротару пояснила:

– Они зашивали тело в оленью шкуру, плотно обматывали берестой и надежно закрепляли на вершине дерева вместе со всем оружием покойника и его походным котлом, в дне которого насквозь пробивали дыру.

Судя по свисающим вниз космам мха, которым живописно порос этот «гамбургер», он висел тут уже не один десяток лет. Интересно, а как сиртя затаскивали наверх тела соплеменников? И почему мох на нем шевелится, если сейчас в вечернем лесу совсем нет ветра?

– Начинается! – Голос Ротару стал пронзительным и резким, словно карканье старого ворона. – Мануйла уже созывает сиртя! Скорее!

И первой бросилась прочь от оживающего мертвеца. Софронов мчался за ней сквозь сгущающиеся сумерки и колючий кустарник, прыгая через стволы поваленных деревьев, моля Бога только о том, чтобы не упасть и не сломать себе шею. И ему все время отчаянно хотелось проснуться...

Прежде он не считал себя азартным человеком. Ему никогда не хотелось пощекотать себе нервы флиртом с МММ или игровым автоматом, не прельщали карты или рулетка. Даже в приключения с девушками он пускался весьма рассудочно и избирательно, отчего список его амурных побед был весьма и весьма скромнен.

Как же могло вдруг случиться, что он забыл всю свою рациональность и «купился на дешевый развод»? На что по-

велся – на сказочный антураж? Истосковался в рутине будней по авантурным романам? Или просто почувствовал наконец свою нужность – на фоне жалкого офисного существования? Но стоило ли так безоглядно менять упорядоченное благополучное существование на сумасшедший бег по ночной тайге вслед за говорящим доисторическим животным и с ожившими нерусскими мертвецами на хвосте?

И если бы кто-то мог сейчас заглянуть в лицо скачущего через колодник человека, то увидел бы на нем кривую улыбку...

Они остановились на берегу какой-то небольшой речки, когда из-за облаков во всей своей красе выкатилась костяная щербатая луна. В полном изнеможении Ротару упала на бок, широко открыла рот и вывалила наружу свой синий язык. Чуть отдышавшись, она распорядилась:

– Огонь разжигать не будем – слишком опасно. С рассветом двинемся дальше.

И – совсем тихо:

– Оказывается, у нас в запасе слишком мало времени. Боюсь, что мы можем не успеть...

В ее голосе впервые с момента их знакомства звучали страх и отчаяние. Повинуясь внезапному побуждению, Софронов поднял руку и погладил мамонтенка по голове. Следовало помнить, что даже несмотря на все свои волшебные способности, перед ним лежал всего лишь маленький звериный детеныш, которому сейчас было очень страшно...

Глава восьмая

...Проснулся Софронов разом, как от толчка под ребра. Вокруг царил непроглядный мрак, лунный диск давно уполз за тучи, где-то рядом спокойно посапывала мамонтиха. Поживаясь от предутреннего холода, Софронов сел и хотел было достать зажигалку, чтобы взглянуть на часы, но его остановил глубокий и сильный мужской голос:

– Не нужно света, Софрон, он сейчас абсолютно лишний. Ты не бойся меня. Во всяком случае, пока. Страх иррационален и мешает адекватно оценивать происходящее.

Вздрогнув, Софронов нашел в себе силы достаточно спокойно спросить:

– Ты кто? Чего нужно?

Тьма усмехнулась.

– Да ты же и сам догадываешься. Впрочем, я готов соблюсти правила приличия. Этикет, так сказать. Хотя, согласись, здесь и сейчас это выглядит по меньшей мере абсурдно. Итак, позволь представиться – в этих местах меня знают как Мануйлу. Уверен, что обо мне много рассказывала вот эта глупая зверушка. Нет-нет, ты не беспокойся, она жива-здоровая, просто крепко спит. Я знал, что она не устоит против искушения, а потому кое-что добавил в те мухоморчики, что она сожрала у родника, – в бесстрастном поначалу голосе Тьмы промелькнули нотки злобы.

– Но давай перейдем ближе к делу. Понимаю, что у тебя

найдется ко мне немало вопросов, вот только я не вижу причин, по которым я должен тратить на них свое время. Логично?

За ответом Софронов в карман никогда не лез, отчего в юности бил бит неоднократно и сильно. Не удержался и на этот раз:

– Судя по излишней многословности, в могиле ты соскучился по общению?

Сделав паузу, Мануйла протянул:

– Ну-ну, молодец. Твой скальп займет достойное место в моей коллекции. Итак, продолжим. Вины твои велики – ты не послушал доброго совета своего друга Сайнахова. Кроме того, ты по собственной глупости привязался к этой мохнатой твари. И, наконец, последнее: ты зачем-то упорно идешь ко мне домой, хотя я тебя в гости не звал. Заметь: даже одной из этих причин вполне достаточно, чтобы я приказал сварить тебя заживо. Варварство, конечно, но на зрителей действует чрезвычайно впечатляюще. Впрочем, есть у тебя передо мной и одна несомненная заслуга: ты открыл дверь моей темницы, хотя даже не подозревал об этом.

Удивительно, но Софронов ничуть не паниковал. Да, ему было жутко, спину то и дело окатывали горячие волны страха, но одновременно душу распирали странный восторг. Похожие чувства он испытал однажды, когда катался на «американских горках», которые весь мир называет «русскими»...

Он довольно спокойно спросил:

– И что ты намерен сделать с ключом, который без спросу лезет в твою дверь?

Мануйла ответил с видимым одобрением:

– Хвалю. Не каждый смертный способен продемонстрировать хотя бы такие зачатки юмора в данной ситуации. Что сделаю? Видят боги – не знаю. Ты мне нравишься, Софрон. Потому до сих пор и не приказал убрать тебя, видишь, даже решил лично познакомиться. Всегда был убежден, что умные... – он слегка запнулся, – существа могут договориться. Неужели с веками я становлюсь сентиментальным? Я поразмышляю над этим феноменом на досуге. И в качестве жеста доброй воли я даже готов немного удовлетворить твое любопытство. Спрашивай.

Казалось, вопросы сами зарождались в голове Софронова. Он задавал их быстро и четко:

– Что ты хочешь?

– Порядка. Могущества. Свободы. Давай-давай, не стесняйся.

– Твои действия принесут вред людям?

– Это становится забавным... Да, кому-то принесут вред, кому-то – пользу. Как и все остальное и в этом, и во всех других мирах. Скажи, вот ты можешь поклясться, что на своей работе приносишь всем одно только добро? А врач, отрезающий гангренозную ногу, дарит одни только улыбки? Коллектор, выбивающий чужие долги? Журналист, пишущий

хвалебные оды заворовавшемуся мэру? Милый мой, законы хаоса, из которого сотворена Вселенная, настолько сложны и многогранны, что монохромное видение мира, столь характерное, например, для вашей ортодоксальной христианской религии, просто смешно. Приведу простой пример. Помнишь, как в детстве ты утопил жалкого, беззащитного котенка?

Софронов помнил. Будучи воспитанным в благополучной семье и добропорядочной еще почти советской школе, на идеалах добра и справедливости, примерах деда Мазая и кота Леопольда, он с молоком матери впитал и все интеллигентские комплексы, одним из которых является знаменитая дилемма «...тварь я дрожащая или право имею?» И вот чтобы раз и навсегда разрубить гордиев узел всех внутренних метаний, борений и противоречий, однажды Софронов привязал кирпич к шее грязного бродячего котенка и бросил его в котлован с водой. А потом сквозь застилающие глаза слезы смотрел на то, как дергается в прозрачной глубине щупленькое котячье тельце...

– Самому не смешно? Тебе же до сих пор снится то плешивое и блохастое животное, и ты все еще коришь себя за «жестокость» по отношению к убогому-несчастному зверьку. А если эта жестокость была сущим благом и для него, и для других? Смотри сам: вроде бы ты совершил – не грех даже, а так – грешок. Но ведь именно этот грех ты вспоминаешь в трудные для себя минуты, и именно он часто удерживает...

живает тебя от совершения грехов куда более тяжких. Так? Можешь не отвечать, я и без того знаю.

Очень уж уверенно и твердо рассуждал Мануйла, и это выводило его оппонента из душевного равновесия, лишало почвы под ногами и заставляло сомневаться. А Тьма продолжала вещать размеренным менторским тоном:

– Теперь идем дальше. Если бы ты не утопил ту «муму», оно бы выросло, страдало от голода, холода, уличных собак и жестоких людей, само бы убивало беззащитных птичек и мышек, воровало с форточек мясо, орало под окнами, гадило в подъездах и всячески беспокоило добропорядочных граждан. Со временем наплодило бы кучу таких же ублюдков, и дальше продолжая бесконечную череду несчастий, грязи, боли, страданий. А ты взял и разорвал эту вонючую цепь, поставил точку, выступил в роли хирурга, удалившего злокачественную опухоль. Получается, что ты совершил благое и в чем-то даже богоугодное дело. Согласен? Вот тебе и ответ на собственный вопрос.

Как-то внезапно на чернильном небосводе зажглась одинокая яркая точка. Венера, звезда утренней зари... Глядя на нее, Софронов медленно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.